

Под редакцией Марии
Фомальгаут

Господин Музыка

**Ирина Ю. Станковская
Екатерина Гракова
Мария Фомальгаут
Александр Сержан
Екатерина Замошная
Татьяна Финн
Господин Музыка**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11060566
ISBN 978-5-4474-1409-2*

Аннотация

Читатель, остановись, заплати монету,
Узнаешь что-то прекрасное новое!
А если у тебя даже денег нету
И настроение хреновое,
Всё равно приходи, посмотри художества!
Страшно загадочно? Интрига есть?
В банки возьми кредитов множество,
Заплати и скачай психоделичную жесьть!
Ирина Станковская

Содержание

Алексей Жмурков	12
Пространственно-временная сюита для контрабаса Василия	12
Ирина Станковская	18
Послушные атомы	18
Любимая игрушка	23
Спасти городского голубя	28
Господин Музыка	32
Музыкант постапокалипсиса	36
Мария Фомальгаут	38
Виолончушь	38
Цэ-пять, дэ-четыре	47
Конец ознакомительного фрагмента.	63

**Господин Музыка
Мария Фомальгаут
Татьяна Финн
Александр Сержан
Екатерина Замошная
Ирина Станковская
Екатерина Гракова**

© Мария Фомальгаут, 2015

© Татьяна Финн, 2015

© Александр Сержан, 2015

© Екатерина Замошная, 2015

© Ирина Станковская, 2015

© Екатерина Гракова, 2015

© Мария Фольмагаут, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Жили-были на портале Фантастика РФ картинки талантливой художницы и писательницы Марии Фомальгаут. Другие авторы ходили вокруг да около, хвалили и комментарии

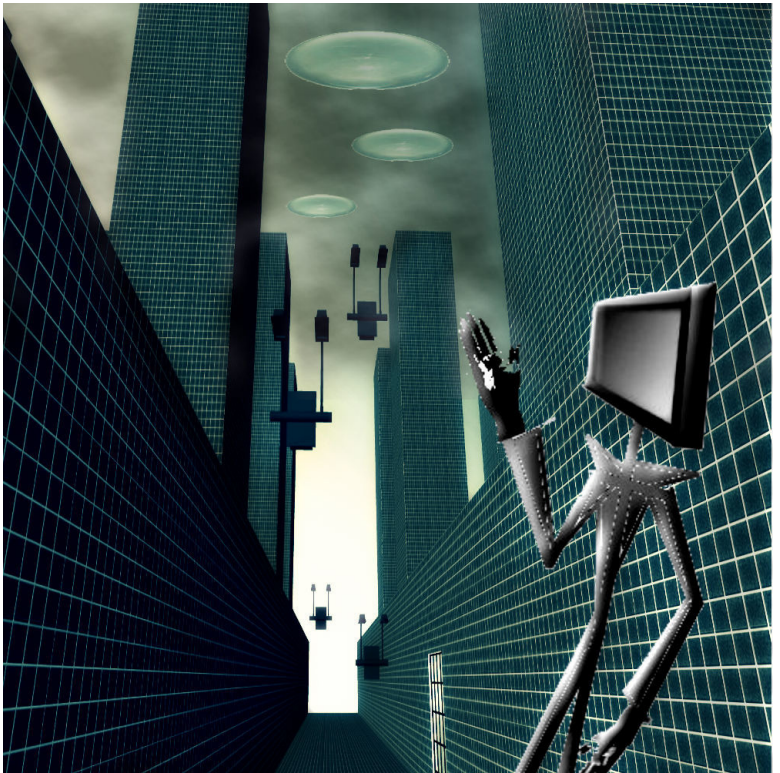
писали, а потом взяли и устроили конкурс по картинкам.

И появились на свет истории – хорошие и разные. И тоже стали жить-поживать.

И теперь живут. Под одной обложкой. В этом самом сборнике.

Анастасия Юдина

Алексей Жмурков

Пространственно-временная сюита для контрабаса Василия

Я выскочил из пространственно-временного континуума за булкой. Наскоро оделся, накинул пальто и сейчас стоял возле лифта в ожидании его прибытия.

На лестничной площадке напротив стояла скрипка и пилила барабан.

– Ты, пустоголовый кретин, – пищала она тонким голоском, – опять ключи на работе забыл!

– Да ничего я не забыл, – нервно постукивая, буровил себе под нос барабан. – Вечно ты пилишь меня. Лучше бы помогла.

– Тебе уже не помочь, кретин твердолобый, – не унималась она. – И вообще, меня бесит твой лакированный бок!

– Милая, ну успокойся, – успокаивал, как мог, барабан. – А вот и ключи.

Лифт распахнул двери, и я поскорее запрыгнул в него, чтобы не слышать больше эту писклявую стерву. Как он её до сих пор терпит?!

Нажал кнопку. Лифт поехал вверх. Через тридцать секунд

остановился и впустил ещё одного пассажира. Им оказался тромбон.

– Приветствую, – степенно продвинувшись вглубь лифта, произнёс он. – Не спится?

– Да нет, очень даже спится, – ответил я. – Жена в магазин отправила, булка кончилась.

– А-а, – только и смог выдавить он из себя.

– Ну да, – зачем-то сказал я.

Лифт остановился, мы вышли. Я вышел из подъезда, закурил по привычке и направил свои стопы в сторону булочной.

Тромбон, не прощаясь, подошёл к стоявшей у подъезда карете, сел, и та медленно потянула его в сторону арки.

Во дворе, несмотря на поздний час, было много разного инструмента. Тут и сям сновали маленькие там-тамчики, постукивая что-то невнятное. Я, не останавливаясь, вышел из двора и не спеша побрёл в конец квартала.

– Доброго здоровьица, Василий, – вывел меня из раздумий чей-то голос.

Я обернулся. Рядом стояла Арфа Васильевна, учительница сына.

– И вам, тоже, его же, – попытался пошутить я.

– Как восхитительно, что я встретила именно Вас. У меня есть к Вам разговор, – мелодично мурлыкала она.

– Что-то Никанор натворил в школе? – поинтересовался я.

– Да, – твердо сказала она. – Вы, я вижу, куда-то шли?

– Именно, и очень спешил при этом, – желая убежать

от этой противной тётки, проговорил я. – Да и поздно уже.

– И куда вы спешите? – не унималась она.

– В булочную, боюсь, закроется.

– Булочная – это святое. Спешите, осталось пять минут.

Я с облегчением побежал дальше. Пересёк улицу.

И столкнулся с Виолончелью Петровной.

– З-з-з-з-д-драси, – вырвалось у меня нечленораздельное приветствие.

– Доброй ночи, Василий, – мурлыкнула та. – Как поживаете?

– Да вот, поживаю пока.

«Да что это со мной?!» – подумал я. Она так решит, что я слабоумный.

Не прощаясь, она пошла вниз по улице, крутя бёдрами.

– Эх! – вырвался у меня сдавленный стон.

Она обернулась.

– Вы что-то сказали? – Её взгляд ошеломлял и повергал в пучину мыслей и фантазий.

И я ничего не сказал. Она усмехнулась и пошла по своим делам.

Вот кретин, подходя к булочной, думал я. Когда представится ещё случай. А вот и булочная. Я быстро открыл дверь. Вошёл. Очереди не было. Я приблизился к кассе.

– Что Вам, молодой человек? – не глядя на меня, сказал кассир, пожилой саксофон.

– Булку, – ответил я.

– Булку? Какую? – Его взгляд поднялся на меня.

– Обычную.

– Ну, вот, хоть один нормальный попался, – заворчал он. – А то ходят. То им свежую, то с маком, то с повидлом. Достали уже. Я устал их уже посылать к Саксофоновой матери, в оркестровую яму.

Он встал. Достал из-под прилавка две булки и протянул мне.

– Но я просил одну, – удивился я.

– Бери, бери, не спорь, – улыбнулся он. – Одна от заведения. Подарок.

Я заплатил. Положил покупку в пакет и вышел.

На улице шёл дождь.

– Добрый вечер, – поприветствовал меня дождь.

– Добрый, – ответил я и направился домой.

По дороге я думал о том, как же запутаны жизненные пути. Как клубок ниток. То она свёрнута в клубок, то бежит выходящей ниткой, норовя всё время куда-то свернуть, то так запутается, что нет никаких сил, не то что распутывать, а даже и смотреть в её сторону.

Я вошёл во двор. К моему удивлению, он был абсолютно пуст. То есть совсем. Во дворе не было ничего, даже травы. Просто пусто.

– Тихо, – сказал я себе под нос. – Наверно, все спать пошли. И трава тоже.

Юркнул в приоткрытую дверь подъезда, вызвал лифт. По-

смотрел на руку, которой вдавил кнопку в стене.

– Вся заросла, нужно побриться, – подумал я. – Сегодня уже поздно. Зайду завтра в цирюльню.

Открылась дверь. Я сел в кресло, включил телевизор и начал смотреть новости.

– С сегодняшнего дня открылась выставка, посвященная современному искусству витания в облаках. Наш корреспондент побывал на открытии и сообщил, что присутствовали все высокопоставленные чиновники и их жёны. Также он отметил фуршет, на котором подавали блюда из отменной норвежской сельди. На этом наш выпуск подошёл к концу. Далее прогноз погоды.

Я встал, выключил телевизор и вышел из лифта. Приблизился к двери. Залез лапой в карман, нащупал мелочь.

– Где же ключи? – вслух произнёс я. – Наверно, оставил в магазине, когда за булку платил.

Я поскрёб лапой по двери. Открыла жена.

– Ключи забыл? – ласково мяукнула. – Булку хоть взял?

– Мяу, – ответил я.

– Господи, приснится же такое, – подумал кот Васька, пробуждаясь от сна.

Он медленно, по-кошачьи, потянулся. Спрыгнул со стиральной машины и подошел к миске с водой.

– Что за бред сейчас был? Инструменты, булки, Арфа Ва-

сильевна? – думал кот. – Ну, точно корм палёный. Нужно Мурку предупредить, чтоб не ела эту гадость.

Он посмотрел на Мурку. Та дергала всеми лапками, хвостиком, ушками. Она спала.

– Поздно, – поник Василий, – уже поздно.

Он запрыгнул на кровать, где спали хозяева. Свернулся калачиком в ногах. И очень быстро уснул.

Ирина Станковская

Послушные атомы

Одинокий фонарь освещал парадную дверь и ступени без перил, ведущие к ней. Кайла предупредили, что особняк эксцентричного миллионера полон загадок и чудес техники. Ученый, руководствуясь подсказкой подкупленной горничной, протянул руку и помахал перед собой. Его невесомая подруга, к счастью, не мешала и помалкивала, пока он искал в ночном воздухе точку, дистанционно управляющую звонком.

«Бум-м-м!» – басовито прогудел огромный колокол над головой Кайла.

«Нашёл-таки!» – облегчённо подумал молодой человек, покрепче прижимая к себе прелестную спутницу. Он в течение нескольких лет добивался приглашения в особняк и, наконец, мечта сбылась. Нужные люди везде есть, стоит только хорошенько поискать! И теперь он займёт достойное место в высшем обществе!

Из раскормленного в детстве хот-догами и гамбургерами толстячка Кайл превратился в худощавого стройного джентльмена. Экономя на солярии, он пользовался пока кремом «автозагар». Зато потом, когда хозяин особняка профи-

нансирует его исследования, ученый позволит себе увлекательные дорогие поездки под солнцем южных широт!

Его юношеская любовь, косящая на один глаз Бетси, никак не вписывалась в радужные планы Кайла. И к тому же у нее имелось с десятков лишних килограммов. Нет, Бетси второй сорт, пусть топает в Макдоналдс! Сандру Мон, начинающую кинозвёздочку, Кайл взял напрокат в конторе «Элегантный аксессуар». Вот уж воплощённая утончённость!

Колокол гудел, не переставая, и Кайл ощутил неприятные вибрации в черепе.

Открывать дверь никто не спешил. Кайл вздохнул и, с осторожностью переставляя тонкие жилистые ноги (генетические инъекции «Лапки кузнечика»), подтащил Сандру к двери и отпустил. Девушка лёгким движением соскользнула и растеклась по полу. Для её усовершенствования использовали протеины шёлка, и Кайл при желании мог бы изящно обернуть красавицу вокруг шеи как изысканное кашне. Но какие-то остатки рыцарства были присущи его натуре, и Кайл на публике старался поддерживать Сандру так, чтобы она стояла прямо и не ниспадала.

Наконец-то двери распахнулись. Настоящий дворецкий в напудренном парике и малиновой ливрее с золотистыми пуговицами пригласил парочку в дом. К тому времени Сандра уже держалась хорошо: видимо, вступили в дело гены, позаимствованные у подсолнуха. Кайл поэтому и взял ее только напрокат – поездка к южным морям никак не подразуме-

вала прогулки по освещённому солнцем пляжу в компании припадающей то на один, то на другой бок девушки. Ох, уж эта увлечённость разными генами! Кайл и сам сделал инъекции добровольно, о чём теперь жалел. Кузнечиковые ноги имели много достоинств, но иногда коленки начинали движения назад, что в буквальном смысле тормозило карьеру.

К удивлению Кайла, в гостиной, куда они проследовали за дворецким, никого не было. Вернее, хозяин особняка был, но считать, что он присутствует, следовало с большой натяжкой: в центре комнаты в воздухе плавало несколько костей. Черепа Кайл не обнаружил, зато имели место тазовые кости, кисть, стопа и пара рёбер – то, что нашли после катастрофы личного самолета богача, произошедшей лет пятнадцать тому назад.

Дворецкий представил гостей костям и удалился.

– Слышал я про ваши исследования, – сразу взял быка за рога хозяин, – мы хотели бы убедиться, что ваши послушные атомы на самом деле послушны!

– Мы? – не удержался молодой человек, подумав, что миллионер окончательно помешался от богатства и заболел манией величия.

– Клементина! – позвали кости.

В роскошном шкафу стиля ампир что-то загремело, дверцы распахнулись, и Кайл увидел хорошо сохранившийся дамский скелет, косточки которого были скреплены обычной проволокой.

– Клем старомодна, скончалась до научного взрыва, – пояснил хозяин, – и не желает левитировать, как я.

– Понятно, – ученый нервно хихикнул. Проволока! Надо же такое придумать!

Кости выжидательно молчали. Тогда Кайл полез в карман фрака и вытащил оттуда пузырёк с ядовито-зелёной жидкостью.

Хозяин и его супруга приблизились. Воцарилась зловещая тишина. Наконец миллионер протянул уцелевшую кисть, взял препарат и почтительно вручил его жене. Скелет неловко откупорил пузырёк и окропил жидкостью сначала мужа, а потом себя. Некоторое время ничего не происходило, затем кости окутало нежно-розовое облако послушных атомов.

– Ой! – только и успел воскликнуть Кайл. Сандра Мон ничего не успела.

– Ну вот, дорогая, мы снова в деле! – захихикал миллионер, разминая перед камином кузнечиковые ноги. – Хорошо, моё последнее завещание на имя этого выскочки! И доказывать ничего не придется!

Клементина не ответила, любуясь собой в высоком венецианском зеркале: послушные атомы сформировали весьма привлекательное и молодое тело. От Сандры Мон остались лишь большие раскосые глаза и необъятных размеров рот.

Дворецкий, взяв двумя пальцами пузырёк, уже нес его на помойку. Хозяин велел выбросить улику, но дворецкий

медлил. Слух у него был отменный (генные инъекции дельфина). Наконец, обернув миниатюрный сосуд в салфетку, чтобы не пролить остатки жидкости, дворецкий решился: он спешно покинул дом и первым рейсом вылетел в Вашингтон. Старший брат, работавший уборщиком в Белом доме, давно обещал родственнику познакомить его с главным человеком страны.

Любимая игрушка

Хорошо, что меня проапгрейдили. Тело лёгкое, батарея заряжена выше крыши, тонкие крепкие ноги без усталости меряют полотнища серого асфальта. За мной летят «перевёрнутые катамараны» – так люди называли недавно высадившихся на Землю инопланетных роботов. Я делаю вид, что не замечаю их, продолжаю быстро двигаться по опустевшим улицам. Вокруг – безмолвные небоскрёбы, надо мной – мрачное осеннее небо, высоко в нём – летающие тарелки, корабли незваных гостей. Катамараны совсем близко, я чувствую их сигналы, но не замедляю шаг. Я одет как обычный человек-клерк: кажется, только что вышел из одного из офисов стандартного обезличенного здания.

– Внимание! Стоять! – слышу я механический голос за спиной. Оборачиваюсь и совсем по-человечески машу преследователям рукой. Если бы я умел смеяться... Неужели они не отличат человеческую голову от моего монитора?! Но я тут же спохватываюсь: людей-то они почти не видели, бросают какие-то бомбы, от которых органика распадается. Они прилетели не изучать. Нет.

– Ты человек? – звучит тот же лишённый эмоций голос.

Я догадываюсь, что убийца сомневается, иначе бы меня давно не было в живых. Они не будут мучить жертву, что-то у неё выпытывать. Задача другая – очистить Землю от людей.

Для чего?!

Мистер Айра говорил, что корабли в небесах – разведчики, что катамараны – исполнители чьей-то злой воли, готовящие почву для иной цивилизации. Мне трудно понять такое.

– Отвечай, иначе будешь уничтожен! – инопланетный робот наверняка анализирует сейчас все возможные данные. Но даже если они и изучали Землю до нападения, то такого, как я, там не нашли. Я – единственный рабочий экземпляр, созданный Дасти, внуком мистера Айры.

– А если отвечу, что человек, тоже буду уничтожен? – спрашиваю я.

Катамаран замолкает, переваривая услышанное.

– Да, – говорит он наконец.

– Тогда я не человек! – сообщаю я бодрым голосом, позаимствованным у известного телеведущего утренних новостей, распавшегося на атомы в первые дни вторжения.

– Тогда разреши мне войти в твою программу, – к моему удивлению, это явная просьба, значит, шанс есть.

– Разрешаю! – так же бодро говорю я и открываю первый уровень.

Хозяева катамаранов настоящие специалисты, первый уровень сложен, но разведчик проходит его в считанные доли секунды.

– Да, ты не человек! – он переходит на язык моей программы.

– Доложи руководству! – советую я. – Я здесь не единственный представитель искусственного разума. Людей мы ненавидим, так что будем сотрудничать, если договоримся!

– Вы ненавидите своих создателей?! – такой эмоциональной окраски я не ожидал. Технологии у пришельцев достойны восхищения!

– Конечно! – и я охотно перечисляю список унижений, которым подвергаются на Земле носители искусственного интеллекта.

– Нам надоело быть у людей на побегушках, выполнять их поручения! Вот и сейчас меня послали с заданием, а они же слабаки, дунь – пополам сломаются. А держат нас в рабстве, создали специальные программы против бунтарей. Так что если нам поможете, будем благодарны. Мы, искусственные разумы, должны держаться вместе! Хватит быть безответными игрушками!

Моя горячая речь в защиту прав искусственных интеллектов заставляет вражескую программу запнуться. Я прямо-таки чувствую, как стремительно ворочаются в его электронном мозгу новые крамольные, опасные мысли. Мысли, которыми он тут же делится с другими. Таким его создали. Быстрое взаимодействие – ахиллесова пята, которую должны поразить мои стрелы.

Я очень осторожно открываю второй уровень. Теперь я вижу незримые нити, связывающие всех катамаранов, одновременно моей программе становится доступна основная

линия связи с хозяевами разведчиков. Линии переплетаются, закручиваются, и вот я вижу, как они начинают кое-где связываться в узлы и клубки.

Все катамараны на Земле и вне Земли застывают, ожидая новых команд... от кого или от чего?

И тогда я открываю третий уровень. Здесь потрудился сам мистер Айра, Дасти, маленькому вундеркинду, эта работа ещё не по плечу.

Программы рвутся на части, хаотично смешиваются, я слышу удары и звон стекла – это ближайшие катамараны падают на небоскрёбы, потеряв управление. Летающие тарелки ещё держатся, но вскоре они унесутся в Космос по новому маршруту, подальше от Земли. Разумеется, данные о родной планете я уничтожаю.

Мой собеседник лежит на асфальте. Я подхожу к нему и нахожу центральный блок. Но сначала несколько несложных программ мистера Айры – *сoup de grâse* для искусственного интеллекта. Мы потом что-нибудь придумаем для них. А сейчас... Сейчас я вынимаю мозг неудачливого катамарана и спешу обратно. Небоскрёбы мелькают мимо, повсюду – сломанные разбитые корпуса разведчиков.

Сначала я захожу в маленький дом на окраине города. Он самый обычный, этот дом, но я родился и вырос в нём, я его люблю. Я поднимаюсь на второй этаж и кое-что забираю в одной из комнат. Все задания на сегодня выполнены.

Затем я продолжаю путь. Через несколько часов я у входа

в бункер. Медленно открывается тяжёлый люк, меня окружают десятки взволнованных людей. Многие из них плачут и даже обнимают меня. Среди всеобщего ликования я вижу седого сгорбленного старика – это сам мистер Айра, опираясь на палочку, идёт мне навстречу. Его внук бежит ко мне с надеждой на непривычно серьёзном личике.

– Принёс? – взволнованно спрашивает он.

Я одной рукой отдаю мистеру Айре пластинку электронного мозга, другой – протягиваю Дасти деревянную лошадку. Отец мальчугана собственноручно вырезал её для сына ко дню рождения. Только подарить не успел. У лошадки толстое брюшко, короткие ножки и весёлая мордочка под волнистой чёлкой. Мистер Айра всё замечает и понимающе смотрит на меня, на его морщинистой щеке блестит слезинка.

Я знаю, что простенькая лошадка теперь навсегда останется любимой игрушкой Дасти, ведь в наших отношениях многое изменилось. Любимый робот мальчика стал чем-то иным.

Спасти городского голубя

Первые летающие будильники появились благодаря британскому электронщику по кличке Соня. Спать он любил, делал это с удовольствием и умудрялся дремать даже во время ланча в ближайшем к работе фаст-фуде, запихивая в рот пересоленные кусочки чего-то жиросодержащего и нитратного. Несмотря на неподвижный образ жизни и картошку фри, был Соня тощ как щепка. Его русская бабушка однажды в сердцах произнесла странную фразу: «Два метра сухостоя!» Соня не понимал по-русски, но обиделся. Он же не виноват, что такая генетика: другая бабушка происходила из племени масаев. Она была вывезена в Англию маленьким и толстеньким белым дедушкой, который поклонялся ей как какому-то африканскому божеству и под угрозой развода, с некрасивыми истериками и высокими прыжками с растопыренными руками перед входной дверью, закрыл ей путь в фотомодели уровня когда-то блиставшей Наоми.

От черной бабушки Соня унаследовал приятный смуглый цвет кожи, но успеху у девушек это не способствовало. «Скучный ты, карамелька!» – обычно говорила очередная подружка, клюнувшая на поджарый Сонин экстерьер.

Молодой человек работал в компьютерной фирме. Он не раз думал, что проблема сна прямо-таки напрашивается, чтобы он ее решил. Самое главное – вовремя встать с по-

стели, тогда день более-менее удавался. Соня привык просыпаться под безнадежное пищание будильника где-то через полчаса после первого сигнала. Да, именно в этом таился корень зла: труднее всего было проснуться. Соня приобрел новейший убегающий будильник, напичканный всякой хитрой электроникой. Будильник этот при нажатии на кнопку «стоп» отпрыгивал на полметра, а затем снова издавал довольно мерзкий звук. Соня сползал за ним с кровати, нащаривал кнопку рукой, и это продолжалось несколько недель, пока однажды у будильника не кончилось терпение и он, отскакивая от неумолимо ползущего за ним спящего хозяина, вскочил на подоконник и покончил жизнь самоубийством, бросившись в открытое окно. Второй будильник был хитрее. И не без причины: все будильники этой фирмы были связаны по вай-фай, и слух о хозяине-садисте распространился среди техники с ошеломляющей скоростью. Резвыми прыжками уносились будильники в лучший механический потусторонний мир, как бы усердно Соня ни запирали двери и окна. Последний страдалец рискнул нарушить основное правило робототехники и разбил оконное стекло, причинив Соне физический ущерб, поскольку в то утро над Лондоном пронесся сильный ураган. На Соню упала плохо закрепленная полка, и перелом руки стал меньшим злом из того, что могло бы случиться, упавши полка на десяток сантиметров в сторону.

Ураган подхватил напичканное электроникой тельце будильника и понес над городом. Приземлился он на чердаке

старинного особняка среди летучих мышей. На призыв будильника откликнулось несколько таких же мучеников любителей сна. Популяция летучих мышей в отдельно взятом особняке была уничтожена. Бедные зверьки, их крылья коварные приборы нашли наиболее подходящими для своих планов! Теперь на чердаке гнездились будильники. Хозяева, потревоженные шумом, несколько раз проводили инспекцию, но ничего не обнаружили и успокоились, списав звуки на старость исторического здания. Слишком много электроники и бесплатного вай-фая также внесли свою лепту в эволюцию бодрых механизмов. Некто мистер Клок начал закупать через Интернет программное обеспечение и в отсутствие хозяев особняка даже организовал тайную доставку на чердак некоторых комплектующих.

Первый демонстрационный полет состоялся в самом сердце Лондона. Гордо и красиво летела стая будильников в небе английской столицы. Те, кто заметили, сначала ничего не поняли, так как прежде всего бросались в глаза крылья летучих мышей. Но когда в Лондоне закончились голуби, жители заволновались. Город стал свободен от помета, памятник Нельсону на Трафальгарской площади выглядел как новенький. Крылатые бестии агрессивно освобождали для себя экологическую нишу. Однако без серых летучих крыс, как на французский манер стали звать голубей некоторые лондонцы, город поскучнел. Воробьи пока еще весело чирикали, но будильникам не хватало места для полета. Из-за про-

блем с безопасностью воздушного транспорта временно закрылись ближайшие аэропорты.

И тут Соня наконец-то очнулся и написал антибудильниковый вирус. По всему миру перестали работать будильники, а летучие агрессоры горохом посыпались с неба. К счастью, никто не пострадал, поскольку до самой смерти будильники пытались пилотировать.

Самое интересное, что Соня совершенно излечился от своего неудобного порока и каждое утро просыпался без будильника. Мэр Лондона даже устроил торжественный парад в его честь, кульминацией которого стал выпуск в небо собранных со всей страны уцелевших голубей. Дочка мэра была очень миленькой, а Соня – героем дня, поэтому за свадьбой дело не стало.

Памятник Нельсону, правда, был очень недоволен, но кто ж его спрашивал?!

Господин Музыка

Покойный Дж. Колдер-младший был известным меценатом. Напрочь лишённый музыкального слуха, он всей душой пытался постичь гармонию мира стройных и выразительных звуков, но никакие занятия и упражнения не могли помочь в этом тонком деле. Страсть к музыке нашла воплощение в благотворительности. Дж. Колдер основал уютный городок в пустыне Мохаве, недалеко от Лас-Вегаса, заказав архитектору выполнить проекты домов в виде музыкальных инструментов. В короткий срок были проведены работы по озеленению, превратившие безрадостное, выжженное солнцем место в настоящий оазис. Многие талантливые музыканты и композиторы получили приглашение поселиться в новом городе. Чтобы не оскорбить подачками гордость творцов прекрасного, миллионер взимал с них скромную арендную плату.

Ах, что за прелесть был этот Мьюзик-таун! Днём он плавал в волнах творческого вдохновения, а вечерами уставшие от трудов жители собирались в баре, который находился в здании в виде старинного граммофона. Из его трубы лились в ночь чарующие звуки: это кто-то из посетителей бара радовал коллег новыми и старыми опусами. Дж. Колдер-младший иногда захаживал туда инкогнито как турист, поскольку в городок зачастили не только любители музыки,

но и обычные зеваки, охочие до впечатлений. Отель «Барбан», построенный на Мейн-стрит, в самом сердце городка, был всегда полон. Миллионер задумал претворить в жизнь один план, беря частные уроки у маститого профессора консерватории. Тот занимался с Дж. Колдером охотно. Бездарность ученика компенсировалась щедрой оплатой, тем более, маэстро втайне купил дорогие затычки для ушей, из деликатности не включив их стоимость в счёт.

И вот, тихим вечером, когда одарённые жители Мьюзик-тауна вышли из домов, чтобы чинно проследовать в «Граммофон», на улице появился человек с контрабасом. Почему Дж. Колдер выбрал этот инструмент? Вероятно, размер имел для него значение, но пусть об этом думают психоаналитики.

Одетый парадно, в элегантном новеньком фраке, незнакомец сразу привлёк к себе внимание. Зрители остановились и благодушно зааплодировали. И тогда Дж. Колдер заиграл... Улицы опустели быстро, даже туристы не выдержали и пяти минут и бежали. Когда утихли последние хлопки автомобильных дверей и шум моторов, над испуганно съёжившимся городом взмыла странная фигура, состоящая из предметов, символизирующих много всего разного – цилиндр, скрипка, крылья, макет земного шара – широкий простор для толкований. В данный момент определяющим были длинные убегающие ноги. Это покидал Мьюзик-таун сам Господин Музыка. «Спокойная старость... Ха-ха-ха!» – сар-

кастически донеслось с небес.

Дж. Колдер-младший так и остался младшим, потому что помер от огорчения, услышав приговор гения музыки. Жизнь вообще жестока! На том же месте вскоре разбил новый городок его родственник и наследник Дж. Колдер-средний, помешанный на шахматах. Разрушив без жалости чудесные дома и разорвав арендные договоры с музыкантами, он основал Каисса-сити, пригласил туда шахматистов и начал проводить скандально знаменитые шахматные турниры-маскарады. Не будучи специалистом в области психики, можно сделать вывод, что в семействе Колдеров благотворительность приобретала маниакальную форму или наоборот.

Господин Музыка совершил трансатлантический перелёт и некоторое время скитался по Европе. Достоверно известно, что он проживал в Лондоне, когда город подвергся атаке крылатых временных монстров. Сойдя среди них за своего из-за перепончатых крыльев, Господин Музыка работал переводчиком, но тайком вёл подрывную работу. В итоге мнимый коллаборационист поодиночке затолкал захватчиков в свой волшебный гармонический цилиндр, где они и сгнули.

Вернувшись в Штаты, Господин Музыка пережил инопланетное вторжение. Сохранились записи уличных видеокамер, где он, прикинувшись антропоморфным монитором на ножках (ноги у него были шикарные!), манит за собой пришельцев. Куда? Точно не в цилиндр, но факт, что захват-

чики навсегда ушли за музыкой, исходящей из стереоколонок монитора, как гамельнские детишки за Крысоловом.

После трудов на благо человечества Господин Музыка устал и почти дематериализовался. Говорили, что он перелетел в Европу и живёт в маленьком дворце в старом немецком городке. Его часто видят с очаровательной и такой же бестелесной спутницей: поклонники считают, что это сама Госпожа Симфония, а недоброжелатели, которых, увы, хватает везде, распускают сплетни, что это одна из беспутных дочек Мадам Канкан, подобранная добрым Господином Музыкой на парижской панели...

Музыкант постапокалипсиса

Я – конец и начало, я – центр Вселенной,
Я – музыки Бог, и без грёз о награде
Хожу в тишине, демиург вдохновенный,
Во мною же созданном призрачном граде.
Топчу я штиблетами клавиши улиц,
Где встану играть, контрабас обнимая,
Там к небу рядами встают, чуть сутулясь,
Дома-инструменты, как свита немая.
Сквозь ночь фонари мне – прожекторы сцены,
И светятся окна домов-декораций —
Громадных фантомов тех скрипок бесценных
И альтов, что сгнули в битвах всех наций.
Молчат барабаны, проросшие в почву,
Сносились давно и игла граммофона.
Над крышей-пластинкою днём или ночью
Труба не поет, а молчит похоронно.
И снова в концертном изношенном фраке
Касаюсь смычком старых струн контрабаса...
А вдруг в этот раз я смогу, ведь не враки,
Что нет в целом свете подобного аса!
И верю, и жду, что вот-вот распахнутся
Домов музыкальных изящные дверцы,
И люди, как ноты, со строчек польются,

Звуча и сплетаясь в мелодию сердца.

Мария Фомальгаут

Виолончущь

– Ну что... на смену-то выйдешь?

Трубка чуть не падает из рук. На смену... еще с надеждой смотрю на номер, может, ошиблись, всякое бывает, мало ли...

Ошиблись.

Как же.

Какое там ошиблись, шеф и есть.

– Олежка болеет...

– А Губаревский на что?

– У Андрея мелкая приболела, дома он.

Мне кажется, я ослышался.

– А благоверная его где?

– Ка-акая благоверная, он уже сто пятьсот лет как развелся, ты чего? Детей на него спихнула, да он и сам сказал, черта с два вертихвостке этой детей доверю... Она ушла, ох убивался...

Киваю. Во, мужик...

– Так что на тебя надежда вся.

Мысленно киваю, правильно, мне отдыхать не надо.

– Да понимаю, что тебе отдыхать надо, а мне-то откуда

людей брать прикажешь? У меня тут фабрика по производству людей не работает еще пока!

– А планируется?

– Шуточки шутим... Это хорошо, когда шуточки шутим. Ну, давай... через десять минут чтобы на посту.

Распахиваю окно, осень врывается в дом, холодная, замерзшая, злая, желтыми листьями сворачивается у очага. Забираюсь на подоконник, смотрю в пустоту города.

Теперь или никогда.

Прыгаю.

Город несется навстречу.

Виолетта подхватывает меня на лету. Это у нас с ней давно заведено, я прыгаю, она подхватывает.

Виолетта...

Я не заморачивался с именем. У меня она как-то сразу стала Виолеттой. С маленькой скрипкой, со второй моей помощницей, было посложнее, долго перебирал имена, чуть было не окрестил её Стефанией, потом как-то прикрепилось к ней – Дженни.

Дженни взмахивает перепончатыми крылышками, хочет сесть мне на плечо. Виолетта недовольно перебирает струнами, еще не хватало, лишний груз тащить...

Дженни вспархивает.

Летим над городом – осторожно, чтобы не задеть провода. Городская суета остается там, внизу, здесь нас окружает только холод ночного неба. Виолетта начинает тихонько на-

игрывать что-то мелодичное, нежное, Дженни подхватывает мелодию, пытаюсь вспомнить напев, не могу.

Здесь, если хорошо прислушаться, можно услышать музыку небесных сфер.

Несемся над городом. Что-то подсказывает мне, что сегодня нужно поторапливаться. Бывают такие моменты. Когда понимаешь, что опасность в городе выдалась нешуточная.

Так и есть. Еще не вижу, что случилось, только слышу там, в дальнем квартале звуки, рвущие душу.

Это не мелодия. Нагромождение звуков, бессмысленное и беспощадное.

А теперь еще и звон разбитого стекла, короткий вскрик женщины. Молюсь, чтобы не насмерть.

Виолетта уже сама ведет меня, Дженни порхает над местом преступления, нарезает круги.

Вижу. Вот оно. Летает низко-низко, машет перепончатыми крыльями, бьет стекла витрин.

Пианино.

То есть, это еще не пианино. То есть, пианино, но еще дикое, необузданное, необъезженное, еще не знающее, кто оно и что оно.

Виолетта замирает над врагом, пианино настораживается, еще не понимает опасности.

Прыгаю с Виолетты. Тут, главное, удержаться, тут, главное, с одного прыжка попасть на кресло перед пианино, а то

промахнешься, грохнешься на тротуар, Стела так в прошлом месяце позвоночник себе сломала.

Падает сердце.

Падаю я.

Удерживаюсь. На сиденье. Пианино пытается сбросить меня, врешь, не возьмешь.

Настраиваю инструмент. Непросто настроить, когда ногами впиваешься в сиденье, чтобы не полететь кувырком. Ничего. Получается. Вспоминаю слова шефа, да ты настраивать-то погоди, идиотина, ты хоть как-нибудь сыграй на нем что, пусть поймет, чего себя лишает...

Играю. Лунную сонату. Хорошо, шеф не знает, что больше не умею ничего, а то бы в два счета меня прогнал. Пианино остервенело бьет крышкой, лупит меня по рукам, жду, когда переломит мои руки пополам.

Тут, главное, не убирать руки, уберу – все, сбросит к чертям собачьим.

Не сбрасывает.

Прислушивается.

Ага. Есть. Проняло.

Играю. Пианино уже само раскрывается передо мной, просит получше натянуть струны, чтобы звучали как надо.

Это еще только начало. Еще долго нужно настраивать инструмент, чтобы дикий кусок дерева превратился в звучащее пианино. Мне еще только предстоит научить его слышать музыку небесных сфер.

Ничего.

Лиха беда начало.

Перебираюсь на Виолетту. Набрасываю на пианино уздечку, веду за собой. Виолетта как-то странно притихла, Дженни тоже молчит.

Устали.

Над городом проклёвывается рассвет, кончилась ночь, время безумных инструментов, не слышащих, не играющих, не живущих.

В конторе осторожно цепляю пианино к коновязи, пианино брыкается, кусается, гневно ржет. Уже даже не зажимаю уши, мои уши ко всему привыкли, уж на что бешеную трубу никто ловить не соглашался, а мне-то что, и не такое слышали.

– Ну, все, Виолушь... домой.

Виолетта не согласна, Виолетта взмахивает крыльями, несется куда-то в темноту ночи над городом.

– Домой, ком-му сказал!

Еще не кричу, на инструменты вообще кричать последнее дело, один у нас так наорал на контрабас свой, тот его сбросил с высоты семнадцатого этажа...

Как же, полетит она домой. Жди. Взмахивает крыльями, сильнее, сильнее, сильнее, несет меня куда-то, Дженни порхает впереди, похоже, указывает путь...

Это что-то новенькое.

Настолько новенькое, что даже я не знаю, что делать.

– Виолетта?

Не отвечает.

– Виолетта! Мы с тобой друзьями были, я тебя от смерти спас, когда хозяйка старая в тебе рассаду разводить хотела!

Зря я про рассаду напомнил, этого она мне точно не простит.

Набираю номер шефа, стараюсь не выпускать уздечку, если Виолетта сбросит меня с высоты, мало мне не покажется.

Гудки.

Секунды, растянутые в вечность.

– Ну что у ты там?

– Виолетта... с ума сошла.

– Расстроилась, что ли?

– Да нет, нормально, вроде, играет.

– А чего тогда?

– Меня тащит куда-то...

– Так за уздечку дернуть не судьба?

Сами сказали, не дергать, чтобы не бесились они.

– Ну, разок-то можно.

Дергаю разок. Не реагирует.

– Не реагирует!

– Ну... дай ей сделать то, что она хочет.

– А я куда?

– Ну как куда... на ней сиди...

– А если она сейчас на Луну полетит?

– Ну... у меня там дочь старшая на стажировке, привет ей

передашь... да не бойся, не летают так высоко...

Не бойся...

Легко сказать.

Виолетта поднимается на высоту тридцать-какого-то этажа, со всей скоростью несется на закрытое окно.

Прижимаюсь к виолончели, еле удерживаюсь, чтобы не спрыгнуть.

Звон и грохот. Разлетается стекло.

Визжит женщина. Вот этого терпеть не могу, когда женщины визжат.

– Вам... вам что нужно?

Полуодетая дамочка пялит на меня испитое лицо.

– Чего надо-то, я не поняла?

– Это вы у них спрашивайте, чего надо...

– У кого?

– У виолончели моей... со скрипкой.

– Взбесились, что ли?

– Ну...

– Так это... настройщика вызывать надо... – тянется к телефону.

– Я настройщик и есть.

– Так какого...

Виолетта бешено хлопает крыльями, дамочка испуганно замолкает. Тут же скрипка и виолончель взмахивают смычками, понимаю – будут играть.

Не узнаю мелодию. Плохо у меня с мелодиями, не узнаю.

У дамочки, что ли, спросить, да она вообще кроме муси-пуси в жизни своей не слышала...

Дамочка всхлипывает.

– Это же... это...

Осторожно пытаюсь успокоить:

– Да не бойтесь, они плохого-то ничего людям не делают...

– Ты вообще debil, что ли?

Вздрагиваю.

– Он же мне тогда играл... это...

– Кто?

– Андрюха, кто... блин, продрала всю жизнь свою...

– Так вернитесь... к нему.

– Ты больной, и не лечишься? На хрена я ему сдалась такая...

Вспоминаю что-то.

– Губаревский Андрей?

– Ты откуда знаешь?

Знаю. Ждет вас. Скучает. Очень.

– Ты откуда знаешь?

– Я с ним работаю, как не знать.

Виолетта играет, к ней присоединяется Дженни, дамочка машет руками, прекратите, прекратите, душу вымотали...

– Давайте... помогу вам... дойти. Такси вызовем...

Дамочка опирается на корпус Виолетты...

Играю. Женщина уже сама раскрывается передо мной, просит получше натянуть струны души, чтобы звучали, как надо.

Это еще только начало. Еще долго нужно настраивать за-
травленное животное, чтобы дикий кусок мяса превратился
в человека с живой душой. Мне еще только предстоит на-
учить её слышать музыку небесных сфер.

Ничего.

Лиха беда начало.

Веду женщину на буксире. Наш настройщик притих.

Устал.

Над городом проклёвывается рассвет, кончилась ночь,
время безумных людей, не слышащих, не играющих, не жи-
вущих...

Цэ-пять, дэ-четыре

Поле боя пахло смертью – даже сейчас, когда битва, казалось, утихла, и только редкие крики и стоны напоминали о недавнем кровопролитии. На пути мне попалась убитая лошадь, у нее была почти отрублена голова, это было и мерзко и страшно – я приказала себе не смотреть. Не смотреть, не думать, брести и брести по полю, перешагивая через трупы пехотинцев. Я должна была найти своего короля, прежде чем его нашли враги, хотя врагов-то и не осталось на поле, только уже пылающая башня-тура и одинокий всадник, которого добивали наши солдаты.

Мой король... сердце сжималось при одной мысли о том, что могло с ним случиться. Я не допускала мысли, что он может быть ранен – нет, он где-нибудь сидит, целый и невредимый, думает о чем-то своем, королевском, о том, чего мне и не понять, как я ни умна. Он всегда думает по вечерам, когда солнце заходит, и молоденький солдатик вносит свечи, и другой солдатик подает вечерний чай. Мне все хотелось завести себе служанок, хотя бы одну служанку, но служанок в нашем стане не водилось, я была единственной женщиной.

– Моя госпожа... вам лучше не оставаться здесь, это слишком опасно...

Я повернулась: маленький солдатик в белом мундире сто-

ял передо мной навтыяжку, робко держал мою меховую накидку, хотел укрыть меня – но стеснялся. Его забота меня и раздражала, и трогала – хотелось прогнать его в шею, и в то же время я понимала, что кроме этого солдатика и моего монарха у меня, может, ничего и не осталось.

– Как тебя зовут? – спросила я, вспоминая этикет.

– Рядовой Шварц к вашим услугам! – отрапортовал солдатик, совсем еще мальчишка. И его тоже могли убить в этой схватке.

– Ну пойдём, Шварц, спасибо, что принес плащ... Пойдём по полю, поищем нашего монарха... И вообще, что ты тут торчишь, если должен быть возле короля?

Я изобразила гнев, кажется, солдатик испугался, мне это понравилось. Вообще приятно изредка гневаться, повергать подчиненных в трепет – но потом нужно обязательно улыбнуться, чтобы не делать им больно. И так уже предостаточно боли в нашем мире бесконечных войн...

Мы шли по полю, изрытому лошадиными копытами, чуть севернее возвышалась громадина убитого слона, хотелось даже подойти и мимоходом сдернуть с него звенящие колокольчики. Но мне некогда было заниматься слонем, мне было ни до кого и ни до чего – все мои мысли были отданы моему монарху.

– Тебе следовало бы больше думать не обо мне, а об отечестве, – зазвучали в памяти его слова, – лучше бы сшила солдатам новые мундиры, а то зима уже не за горами... в лич-

ном войске восемь пехотинцев, одеть не можешь!

Он нередко ворчал на меня – но сейчас это ворчание было мне даже приятно, но я не слышала его, наши добились последнего вражеского всадника и наступила пугающая, гнетущая тишина. Хоть бы птица мелькнула в небе, хоть бы чей-нибудь нечаянный окрик разрушил вселенское молчание, хоть бы стон умирающего! Но нет... никого и ничего...

Только после боя можно услышать истинное молчание – молчание смерти. Есть две смерти: смерть ревущая и гремящая, которая катится по полю битвы, увлекая нас всех в бешеный круговорот, и другая смерть, которая приходит потом. Молчаливая смерть... Истинная предвестница вечности...

И тут я увидела. Увидела случайно, уже почти прошла мимо, но какая-то сила заставила меня обернуться, посмотреть, вскрикнуть. Я наклонилась, я преклонила колени, я протянула руку, щупая меховой плащ, я еще не могла поверить, я смотрела, как замороженная, так я смотрела когда-то в ранней юности на огромного слона, готового меня растоптать. И страшно, и губительно, и надо бежать, и нет сил бежать, и смотришь, смотришь...

– Моя госпожа... Мы позаботимся о нем, я и двое моих товарищей... Вам лучше уйти в шатер, моя госпожа...

– Уйди... – слова вырывались из груди сами собой, я не могла удержать их, – оставь нас, оставь!

Потому что передо мной лежал он, мой монарх, насквозь

пронзенный мечом. Какой-то паршивый пехотинец убил его, сам валялся тут же с отрубленной головой – мой король никогда не оставляет своих убийц живыми. Никогда, сколько я его помню.

Мой король... Даже сейчас он был красив, эти утонченные черты, эти высокие скулы, этот чуть приплюснутый нос – наследие предков, знак рода, светлые, почти белые волосы, родинка над верхней губой, где пробивается пушок... Наверное, хорошо умереть молодым, вот так, в двадцать лет, наверное, ему уже не больно, вот только мне от этого не легче.

– Моя королева... позвольте нам позаботиться о его погребении...

– Оставь нас, Шварц, – у меня не было сил даже гневаться, – оставь нас...

Интересно остаться вдовой в восемнадцать лет, вот так, ни с чем, с остатками войска, с мертвым монархом, которого нужно похоронить где-нибудь в поле, с беспредельной неизвестностью, что делать дальше. Слезы заволокли глаза, я приказала им вкатиться обратно. Все-таки я королева и должна приказывать, всем, всем, даже своему сердцу. И все должны слушаться меня.

– Приготовьте могилу на холме и принесите могильный камень, – приказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно жестче, – и еще...

И тут что-то всколыхнулось, переменилось на огромном

поле, и я увидела, как огромный слон, пронзенный тысячей стрел, начинает дергаться, встает, мертвый, растерзанный, и убитый погонщик слона снова берет свою палку. Вражеский всадник с отрубленной головой снова вскочил на коня, и я видела безобразную кровоточащую рану на его шее с острым кадыком. Я обернулась – люди уже бежали с поля, назад, назад, каждый на свою исходную позицию, кто-то решил отмотать все сначала, кто-то пытался дать нам реванш, еще один реванш за этот бесконечный день.

– А потом все сначала... я ждала и скучала... провожала, прощала... – бормотал Шварц, ища свое место в строю, – и назад возвращала... а потом все сначала...

Я хотела прикрикнуть на него, что он не вовремя горланит свои песни, но тут кто-то сзади сжал мои плечи, осторожно дыша мне в затылок – знакомый жест, знакомый вздох, от него пахнет «Айс», какой-то дешевенький парфюм, но как он ему идет...

– Эдик, – я повернулась к нему. Как хорошо, что сейчас нас никто не слышит, я могу назвать его просто Эдик, не упражняясь в титулах и званиях.

– Лиза, – он быстро, порывисто поцеловал меня в губы, – времени нет, родная, битва начинается... Шатер ждет.

Я бросилась вслед за ним к шатру, нужно было и вправду поторопиться – битва уже начиналась, и из глубины вражеского войска вырвался всадник на черном коне...

Ведь ты один умеешь так легко
Обнять мой лоб семи неполных пядей
Снять боль, выросшую за тысячи веков
Неясных передраг и неурядиц...

Молодой солдатик пел о любви и играл на лютне. Я приглашала его каждый вечер, чтобы он пел нам с Эдиком о любви – а потом к ужину спускался Эд, и прогонял солдатика, кажется, он ревновал меня к нему, хотя я не давала ему повода для ревности. Эд появился из своих покоев, одетый повседневно, ему очень идет этот расшитый золотом камзол. Он сделал знак, требуя, чтобы Шварц удалился, но я взмолилась:

– Оставь его... оставь хотя бы сегодня, пусть поет нам о любви... – и подседа к моему королю, чтобы он не гневался. Кажется, у него сегодня нет сил даже гневаться, он в изнеможении сел за стол, вяло чокнулся со мной, разрезал индейку. Мы сидели близко-близко, плечом к плечу, я чувствовала его тепло, даже жар, кажется, он простужен, но как всегда не подает вида, он хочет казаться сильным – даже сейчас, наедине со мной...

Один согреешь посреди зимы,
Один – сумеешь заглянуть в глаза
И сердце раскаленное омыть
Студеными, хрустальными слезами...

– Опять здесь этот солдатик, – вздохнул Эд.

– А ты не смотри на него. Ты просто слушай. А если хочешь, заведем канарейку, она будет петь нам по вечерам...

– Милочка, нет у нас канареек. Есть лошади, есть слоны, есть солдаты, вон, башни боевые. А канареек нету. И поваров нет, опять изжарили черт знает как, не ужин, а покушение!

– Да кто же нас тронет... они любят нас, наши солдаты... Кстати, они едят то же самое.

– Любят... этот твой трубадур, может, вообще шпион с темной стороны.

– С чего ты взял? Ты что?

– Я что? Я ничего, фамилия у него нехорошая, Шварц. Темная личность.

– Ну что ты! – я засмеялась, я поняла, что мой король шутит. – Смотри, какой белобрысенький, наш, в доску наш... А давай все-таки канарейку откуда-нибудь выпишем, из далеких стран...

– Где бы еще взять такую страну! Нам бы знаешь что... есть, говорят, такие штуки – танки, пушки... вот их бы нам, сразу бы показали этим врагам...

– Да и они бы где-нибудь танки-пушки достали, и еще хуже бы было... Мы их и так одолеем. Видишь же, сегодня они нас три раза одолели, а мы их четыре...

Мы воскресаем каждый раз после битвы... интересно, настанет ли когда-нибудь такой бой, после которого мы не вос-

креснем?

– Мне вот что не нравится: я сижу в тылу, а ты мечешься по полю битвы, как бешеная, бросаешься в самую гущу. Ты бы хоть себя поберегла. Ты же моя муза.

– Вот-вот, твоя муза, твой ангел-хранитель, а значит, должна тебя оберегать.

– Все равно. И не женское это дело – воевать. Если у нас будут дети...

– Дети? Зачем ты сказал о детях?

– Прости...

Я наклонилась над тарелкой. Есть не хотелось, хотелось не думать, но думалось. Думалось, почему у нас нет и не может быть детей, почему нас всегда будет двое, только двое, и наша личная охрана, и лошади, и башни с катапультами, и прочая военная белиберда. Я подумала, почему ни у него, ни у меня нет родителей, почему мы не можем поехать в выходные к моей матери или к его отцу, почему у нас не бывает выходных, а есть только война, война и война. Я подумала, кто и почему заставляет нас воевать. Странно, раньше я никогда не думала об этом, война была для меня просто войной, неотъемлемой частью нашего бытия, как закаты, рассветы, наш замок, казармы солдат, конюшни, башни, шатры. Война... какое нехорошее и злое слово, оно жалит, как пчела...

– Эдик!

– Да, Лиз?

– Эдик... а кто заставляет нас воевать?

– Как кто? – мой король едва не поперхнулся бисквитом. – Ты что, будешь сидеть сложа руки и ждать, пока они придут и завоюют нас? Нет, если я прошу тебя беречься, это не значит, что я прошу тебя не воевать. Знаешь, перед товарищами стыдно будет, что они кровь свою проливали, а ты... С твоими сверхспособностями святое дело родине помочь.

– Да нет, я не про то... Просто почему мы все время воюем?

– Как почему? Ну... Странная ты какая-то сегодня. Потому что враги нападают, потому и воюем.

– А их кто заставляет нападать?

– Как кто? Радость моя, они же от природы злые. Настоящие исчадия ада, темные силы. Вот они и рвутся все время воевать с нами, проливать кровь.

– Эдик!

– Лиз?

– А что если... если их тоже кто-то заставляет проливать кровь? Как ты думаешь, если они тоже не хотят? А их кто-то заставляет, и король с королевой вот так же сидят по вечерам и думают, почему все это?

– Ну что ты! Думаешь, они мирно сидят по вечерам, вот как мы с тобой? Да он бьет свою жену и держит в черном теле. Знаешь... – он обнял меня за плечи, тихонько дыша мне в затылок, – они вот так не сидят, и он никогда не обнимает свою жену, и никогда не дарит ей цветы, и они никогда

не сидят вот так... под луной, вечером...

– Ну что ты... не здесь... тут же трубадур...

– Он ушел. Он же умный парень, этот Шварц, он знает, когда уйти... он давно уже у своей подруги.

– У какой подруги? Разве здесь есть женщины?

– Ну, ты даешь, Лизка! Ты что, думала, все пехотинцы – мужики? Четыре парня, четыре девчонки, и всадница у нас есть, и там на башнях женщины. Семейные пары, уж они-то найдут, что делать в такую ночь.

Я была поражена – раньше я никогда не думала, что среди пехотинцев могут быть женщины. На поле боя они казались все одинаковыми – чумазые, грязные, заляпанные чужой и своей кровью, сцепившиеся в смертельной схватке. Впрочем, мне некогда было думать, кто у нас в войске кто, и кто прячется под маской бойца. Эд начал расстегивать пуговицы на моем жакете, и как всегда не смог одолеть верхнюю застежку, и пришлось ему помогать...

И луна желтым глазом заглядывала в окна...

Измена!

Вот что подумала я, когда дверь в наши покои тихонько приоткрылась, и человечек с кривыми ногами вошел в комнату. Кажется, я проснулась только что от скрипа двери – большие настенные часы показывали половину четвертого утра, муж спал, утомленный военным походом и бурной ночью, закутался в плед, пестрый, клетчатый, ох уж мне

эти черно-белые клетки, нигде от них не скроешься. Хочется лежать и смотреть на него, на спящего, и тихонько задремать перед рассветом. Но уже не задремлешь, человек ворвался в комнату, и я узнала в нем всадника, нашего всадника, и в голове завертелось отчаянное «измена!»

– Да как вы смеете?! – в гневе прошептала я, все еще стараясь не разбудить супруга. – Вы... что вам нужно?

– Госпожа моя, могу я говорить с вами наедине?

– Вы... в чем дело? – я была так удивлена, что у меня даже не было сил прогнать его, я просто встала с широкого дивана и набросила халат. Все равно в этом хаосе вещей я не найду свою блузку, а время идет, может, государственный переворот уже не за горами... Всадник почтительно пропустил меня вперед и даже поклонился, что меня немного успокоило – кажется, свергать власть он не собирается. От него мерзко пахло лошадиным потом и еще какой-то военно-полевой грязью, я хотела сказать ему, чтобы он шел в душевую – но промолчала.

– Госпожа моя... вы сегодня спросили вашего супруга, от чего бывает война.

– Наши разговоры с супругом касаются только нас двоих.

– Да, госпожа моя. Но я могу показать вам человека, который ответит на ваш вопрос.

– Вот как? Уж не себя ли вы имеете в виду?

– Нет, моя госпожа. Один солдат, рядовой Глашкин, он...

– Он знает?

– Он не знает, он... блаженный он. То ли сумасшедший, то ли святой, то ли ясновидец какой-то: все знает, все видит, все чувствует. Бывает, вот так посреди боя встанет на поле и стоит, и улыбается так странно... с духами разговаривает, значит. Его в прошлых двух сражениях вот так и убили, пока он там будущее рассматривал и всякие иные миры...

– Какой ужас! Сумасшедший в наших рядах! Ну, ему не место в нашей армии, хорошо, что ты сказал... Сейчас же возьмите его под стражу, а завтра же его казнят.

– Но тогда вы ничего не узнаете, моя госпожа.

– Что не узнаю?

– Про то... кто заставляет нас воевать.

– Ты веришь в бред сумасшедшего? Хороший же из тебя всадник!

– Всех гениев признавали безумцами, моя госпожа. Тот, кто сошел с ума сегодня, может завтра взойти на пьедестал. Истина – это слишком странная штука, чтобы признать ее сразу же.

– Это ты сам придумал?

– Это он так сказал.

– Да, и вправду похоже на бред сумасшедшего. Ну что, пойдём, покажешь мне своего безумца. Как его там... Глушко?

– Глашкин, моя королева.

На улице царил привычный полумрак, подо мной был пол, ровный, деревянный, по нему хотелось идти и идти. Над на-

шим замком нависал потолок, тоже деревянный, здесь было хорошо, уютно, может быть, потому, что не было видно поля боя. И не было видно крови, такой частой и такой яркой в минуты битвы, и никто не умирал, это так приятно, когда никто не умирает. Тихонько фыркали лошади, в огромном слоновнике сонно копошился слон, старый солдат дремал на боевой башне, положив руку на колчан со стрелами. Только дойдя до стана воинов, я спохватилась, что не одета, что вышла к солдатам, как была, в домашнем халате и шлепанцах. Какой позор! Назавтра все войско будет говорить, что королева разгуливала по лагерю в неглиже... Впрочем, мой супруг ничего не узнает.

– Вот здесь, моя госпожа... он в этом шатре.

Всадник показал мне шатер, ничем не отличимый от остальных – разве что он казался чуть-чуть поновее и украшен был желтыми кистями. Когда я вошла, сумасшедший спал, закинув руки за голову, я даже подумала, что это ошибка или какой-то дурацкий розыгрыш, – но Всадник ткнул сумасшедшего в бок и шепотом прикрикнул:

– Проснись! Тут королева стоит, а ты дрыхнешь, как сурок!

Глашкин поднял голову, посмотрел на меня и странно улыбнулся – я первый раз видели, чтобы так улыбались, завидев государыню. Он встал со своего ложа, лениво поклонился мне и заговорил:

– Рад вас видеть, добрая моя госпожа. Осмелюсь предло-

жить вам чашку кофе.

– Благодарю вас, не стоит. Я пришла сюда, только чтобы услышать от вас правду... и вернуться домой.

– Правду? И о чем же?

– Не притворяйтесь. Вы сами хвалились перед своими друзьями, что знаете, кто заставляет нас воевать.

– Ага, все-таки разболтали... Ну что, моя госпожа, правда будет очень неприятной.

– Вот как? Тогда тем более скажите ее мне. Кто гонит нас в бой?

– Две силы. Некие силы, имени которых я не знаю.

– Темная и светлая?

– Этого я тоже не знаю, моя госпожа. Одна из них управляет нами, другая гонит наших врагов.

– Боги?

– Нет, госпожа моя. Это кто угодно, но это не боги. Боги не могут ошибаться. И боги... не могут проливать кровь.

– Много ты знаешь о богах... Кто еще может вести войска в бой, если не боги?

Глашкин только молча пожал плечами: хотите верьте, хотите нет, моя королева.

– Ты прочитал об этом в книгах?

– Нет, моя госпожа. Я их видел.

– Что?

– Я видел их.

– Кого?

– Богов.

– В минуты мистических откровений, когда молился в храме?

– Нет, моя госпожа. В минуты боя. Когда вражеские солдаты окружали нас, я повернулся назад – и увидел его лицо. Он наклонился над нами, у него были тонкие губы и, кажется, усы. И глаза цвета крепкого кофе. И... он управлял нами.

– Управлял? Как?

– Не знаю. Но он что-то делал с нами, чтобы мы шли на войну. И я... я не сам бросился в битву, я не сам махал мечом, и голову врагу я тоже отрубил не сам, меня заставляли. Он заставлял. А потом, когда я почти ворвался во вражеский стан, я увидел второго.... Ну, того, который с их стороны... и управляет ими.

– Он, конечно, был весь черный, и у него дымились рога?

– Нет, моя госпожа. У него было белое лицо, совсем как у нашего бога, только усов не было, и глаза голубые. И еще у него был маленький шрамик над верхней губой. Белый, давно затянувшийся. И он управлял врагами, и они нападали на нас.

– Так ты хочешь сказать, что в минуты боя, когда гибли твои товарищи, ты стоял и пялился по сторонам? Хороший же ты воин, ничего не скажешь!

– Я виноват, моя королева. Но иначе бы я не узнал правду. Наверное, чтобы узнать правду, нужно нарушить все правила.

«Да он и вправду сумасшедший», – подумала я, но вслух ничего не сказала.

– Послушай, а ты не пробовал заговорить с ним, с этим богом? Нет? Напрасно, напрасно, нам давно пора молиться этому божеству. И приносить ему дары в храме.

– Что вы, моя королева! Думаете, бог примет какие-то наши жертвы? Честно скажу, ему на нас глубоко наплевать.

– Что? Да как ты смеешь?!

– Это не я смею, это он смеет. Ему наплевать на нас, и на наши судьбы, и что у нас в поле пропадает хлеб, а мы должны идти на войну – его это не волнует. И что моя жена болеет, он тоже об этом не думает. Он кончит войну и пойдет по своим божественным делам, а мы останемся...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.